

По делу «Каспаров и другие против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), на заседании Палаты в составе:

Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель*,

Мирьяна Лазарова Трайковска,

Юлия Лаффранк,

Линос-Александр Сицильянос,

Эрик Мос,

Ксения Туркович,

Дмитрий Дедов, *судьи*,

и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

рассмотрев 10 сентября 2013 года в закрытом судебном заседании настоящее дело,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ 21613/07), поданной девятью гражданами России - Гарри Кимовичем Каспаровым, Алексеем Валерьевичем Тарасовым, Николаем Владимировичем Харламовым, Николаем Викторовичем Калашниковым, Андреем Павловичем Тороповым, Александром Викторовичем Стельмахом, Юрием Николаевичем Орлом, Вячеславом Викторовичем Мелиховым и Оксаной Анатольевной Чельшевой (далее «заявители»), 24 мая 2007 года против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее «Конвенция»).

2. Интересы первого, третьего и девятого заявителей в Суде представлял К. Москаленко, интересы второго заявителя - О. Михайлова, четвертого заявителя - О. Полозова, пятого, шестого, седьмого и восьмого заявителей - Н. Котеночкина, - адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявители указали на нарушение статей 10 и 11 Конвенции в том, что органы государственной власти препятствовали их участию в публичном мероприятии 14 апреля 2007 года. Все, за исключением девятого заявителя, жаловались также на нарушение статьи 6 Конвенции ввиду возбуждения против них дела об административном правонарушении.

4. 4 января 2011 года жалоба была коммуницирована Властям. Суд также решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Даты рождения и места проживания заявителей указаны ниже:

- (1) Каспаров, 1963 года рождения, проживает в г. Москве;
- (2) Тарасов, 1968 года рождения, проживает в г. Москве;
- (3) Харламов, 1973 года рождения, проживает в г. Москве;
- (4) Калашников, 1971 года рождения, проживает в г. Москве;
- (5) Торопов, 1973 года рождения, проживает в г. Орудьево Московской области;
- (6) Стельмах, 1978 года рождения, проживает в г. Москве;
- (7) Орел, 1968 года рождения, проживает в г. Москве;
- (8) Мелихов, 1972 года рождения, проживает в г. Королеве Московской области;
- (9) Чельшьева, 1967 года рождения, проживает в Нижнем Новгороде.

6. Факты по делу, в том виде, в котором они были представлены сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

1. Митинг 14 апреля 2007 года

7. В 2007 году первый заявитель, вместе с другими лицами, представлявшими блок оппозиционных групп, намеревался принять участие в антиправительственном митинге с агитацией перед приближающимися парламентскими выборами. Митинг стал известен как «Марш несогласных»; он был организован тремя лицами, ни одно из которых не является заявителем в настоящем деле. 30 марта 2007 года они подали мэру Москвы уведомление о проведении митинга и шествия. Они указали, в частности, что митинг будет проводиться 14 апреля 2007 года в 12 часов дня в Новопушкинском парке, и продлится до 13.30, после чего пройдет шествие по Тверской улице и Охотному ряду до Театральной площади. Марш должен был закончиться к 14.00. По оценкам, в нем собирались принять участие около 2 000 человек. В уведомлении говорилось, что целью предполагаемого митинга было «выражение требований российских граждан о незамедлительном восстановлении полного комплекса избирательных прав граждан путем отмены поправок, внесенных в законодательство за последние годы».

8. 5 апреля 2007 года Управление по работе с органами обеспечения безопасности Правительства Москвы сообщило организаторам, что данное мероприятие может нарушить работу городских служб и помешать движению прохожих. По этой причине разрешение может быть предоставлено только на проведение митинга у памятника Грибоедову на Чистопрудном бульваре (в другом месте в центре Москвы) в период с 12.00 до 13.30; количество участников не должно превышать 1 000 человек - максимальной вместимости места проведения митинга. Проведение шествия не было разрешено.

9. 6 апреля 2007 года организаторы направили повторное уведомление, предложив четыре альтернативных маршрута шествия, все - по центральной части Москвы, и согласились на ограничение числа участников до 1 000 человек.

10. 10 апреля 2007 года Управление по работе с органами обеспечения безопасности Правительства Москвы сообщило организаторам, что ни один из альтернативных маршрутов не приемлем по тем же причинам, что и первоначальное предложение. Организаторам было предложено провести мероприятие в авиационном клубе в пригороде Москвы.

11. Из документов, представленных Властями, следует, что 14 апреля 2007 года московская милиция была усилена отрядами ОМОНа, специально прибывшими в тот день из двадцати девяти регионов России с целью «защиты общественного порядка и безопасности».

12. По утверждению Властей, 14 апреля 2007 года около 11.40 группы людей начали собираться в районе Пушкинской площади. Группа приблизительно из двадцати человек, включая первых восемь заявителей, начала шествие вниз по Тверской улице, выкрикивая антиправительственные лозунги. Общее количество участников несанкционированного марша составило около пятидесяти человек. Согласно данным Властей, заявители были задержаны, когда они пытались пройти с Тверской улицы на Красную площадь. Первоначально Власти утверждали, что шествие по Тверской улице началось в 13.30, как было указано в сообщениях милиции, но впоследствии они заявили, что заявители были задержаны в 13.00 и доставлены в отделение милиции в 13.30.

13. Заявители утверждали, что они не устраивали демонстрацию на Тверской улице, а оказались там по другим причинам. Каспаров, Тарасов и Торопов заявили, что в 12 часов дня они мирно шли по Тверской улице по направлению к месту санкционированного митинга у памятника Грибоедову. Заявители не указали точное число людей, шедших вместе с ними. Они утверждали, что путь им преградили отряды ОМОНа, заблокировавшие несколько улиц в центре Москвы. Заявители сообщили, что в то время всех пешеходов, как участников демонстрации, так и ничего не подозревавших прохожих, оттолкнули

назад, окружили и без разбора избивали бойцы ОМОНа, после чего их задержали и отправили в милицеских фургонах в различные отделения милиции.

14. Стельмах заявил, что он направлялся не на митинг, а шел по Тверской улице с друзьями; когда он увидел, что ОМОН разгоняет толпу и задерживает людей, он кинулся в кафе «Русское бистро», где его и задержали около 12 часов дня.

15. Четверо других заявителей отрицали какую-либо связь с данным шествием. Харламов заявил, что он не собирался принимать участие в массовом мероприятии; он был задержан, когда вышел из мастерской (сервисного центра) возле Пушкинской площади, где забрал свой мобильный телефон после ремонта. Калашников сообщил, что его задержали, когда он направлялся в местный ресторан «МакДональдс» на встречу с другом. Орел также утверждал, что он направлялся в «МакДональдс», но не смог попасть туда, так как улица была перекрыта бойцами ОМОНа; ему пришлось заскочить в кафе «Русское бистро» на Тверской улице, где он был задержан. Мелихов также сказал, что он шел в «МакДональдс», но не смог туда попасть и был задержан на Тверской улице.

16. Заявители утверждали, что в милицеском фургоне было не менее тридцати человек, которые, как и они, были задержаны в то же время.

17. Когда заявителей прибыли в отделение милиции, были составлены протоколы об их административном задержании в соответствии со статьей 27.4 Кодекса об административных правонарушениях. Заявителям, с первого по восьмой, было предъявлено обвинение в административном правонарушении, состоявшем в нарушении правил проведения публичных мероприятий. Ниже охарактеризовано административное производство по их делам.

18. 17 апреля 2007 года первый заявитель получил письмо от Федеральной службы безопасности с требованием явиться на допрос, после того, как в передаче радиостанции «Эхо Москвы» 8 апреля 2007 года он призывал слушателей принять участие в демонстрации 14 апреля 2007 года. Было указано, что такие заявления представляли собой уголовное преступление, заключающееся в подстрекательстве к экстремистской деятельности. Никакой информации о последующих мероприятиях после данного допроса нет.

2. Административное производство в отношении первого заявителя

19. После его задержания 14 апреля 2007 года первый заявитель был доставлен в отделение милиции и затем предстал перед мировым судьей судебного участка № 369 Тверского района г. Москвы. Ему было предъявлено обвинение в нарушении установленного порядка

проведения публичных мероприятий, что является правонарушением в соответствии с частью 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях.

20. Судебное заседание по административному делу было назначено на 17.30 в тот же день. Заявитель подал два ходатайства о перенесении судебного заседания, чтобы иметь достаточно времени для подготовки защиты, но мировой судья отметил, что объем материалов дела незначителен (пять страниц) и решил провести заседание в тот же день, отложив его сначала на сорок пять минут, а затем - еще на двадцать минут.

21. В тот же день в 18.30 мировой судья рассмотрел дело. На заседании интересы первого заявителя представлял адвокат. Заявители утверждали, что представители общественности не были допущены в зал судебных заседаний на заседание, так как здание суда было оцеплено милицией. Адвокат первого заявителя, Москаленко, подала ходатайство о том, чтобы заседание было открытым для общественности. Мировой судья вынес постановление о том, что заседание является открытым.

22. В начале заседания заявитель подал ходатайство о вызове в суд и допросе шестерых свидетелей, четверо из которых были задержаны одновременно с ним. Мировой судья отклонила ходатайство, постановив, что вызов свидетелей до допроса заявителя и сотрудников милиции является преждевременным.

23. Мировой судья изучила милицкий протокол, согласно которому первый заявитель был задержан в 13.30, когда «шел в большой группе людей, выкрикивая антиправительственные лозунги». Она также допросила И., сотрудника милиции, который задержал заявителя и составил протокол. Последний заявил, что так как 14 апреля 2007 года в период с 12.00 до 16.00 ожидалось проведение публичных мероприятий, он получил указание о защите общественного порядка на Тверской улице, 19, в частности, останавливать любые организованные группы людей, направляющиеся к Красной площади. Он также утверждал, что Каспаров шел в группе примерно из пятидесяти-шестидесяти человек, и, следуя указаниям разогнать несанкционированную демонстрацию, которая угрожала выйти за пределы периметра охраны Красной площади, он задержал его. Заявитель сообщил, что милиционер указал неверные место и время задержания, и повторил просьбу о допросе свидетелей-очевидцев, заявив, что упомянутые лица ожидают возле суда и готовы прийти в зал заседаний. Мировой судья отклонила ходатайство на том основании, что эти лица не были упомянуты в милицком протоколе и что имеющиеся факты позволяют четко определить пункты обвинения. Суд принял версию событий, выдвинутую милицией, установив следующее:

«Оценивая показания И., суд находит их достоверными, поскольку И. исполнял служебные обязанности; ранее с Каспаровым знаком не был, причин для оговора не имеется, заинтересованности в результате рассмотрения дела не усматривается».

24. Мировой судья сослалась на решение государственных органов Москвы от 5 апреля 2007 года и заключила, что 14 апреля 2007 года первый заявитель пытался принять участие в несанкционированном митинге на Тверской улице, 19, где и был задержан. Заявитель был признан нарушившим порядок проведения публичных мероприятий и обвинен в совершении административного правонарушения по статье 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. На него был наложен штраф в размере 1 000 рублей (около 25 евро).

25. Заявитель подал апелляционную жалобу в Тверской районный суд г. Москвы. Он оспорил факты, установленные в суде первой инстанции, заявив, что дело рассматривалось в закрытом судебном заседании, и утверждал, что ему не было обеспечено достаточного времени и возможностей для подготовки к рассмотрению дела, вызова свидетелей защиты и т.п.

26. 14 мая 2007 года Тверской районный суд рассмотрел апелляционную жалобу заявителя. Он оставил в силе решение суда первой инстанции, повторив, что заявитель участвовал в несанкционированном митинге и в шествии вместе с группой людей, выкрикивая антиправительственные лозунги. Суд также отметил, что отсутствовало доказательство того, что заседание в суде первой инстанции проводилось без допуска общественности, или что заявителю не было предоставлено достаточно времени для подготовки защиты, так как у него было два часа на эти цели.

3. Административное производство в отношении второго-восьмого заявителей

27. Производство по делу об административном правонарушении в отношении каждого из этих заявителей проводилось в суде первой инстанции мировым судьей судебного участка № 369 Тверского района г. Москвы. Как и первый заявитель, они были в индивидуальном порядке обвинены в нарушении порядка проведения публичных мероприятий, совершив административное правонарушение по статье 20.2 Кодекса об административных правонарушениях, и на каждого из них был наложен штраф в размере 1 000 рублей. Во время судебного разбирательства, все они оспаривали достоверность милицеских протоколов, в частности, касательно времени и обстоятельств их задержания, и обратились к суду с просьбой вызвать и заслушать свидетелей. Мировой судья постановил, однако, что факты по каждому делу были установлены в достаточном объеме и отклонил данные ходатайства. Решения и их

мотивировочные части, представленные судом, были, в основном, аналогичны вынесенным по делу первого заявителя.

28. Дело пятого заявителя было рассмотрено в отсутствие заявителя и его адвоката, так как суд отклонил ходатайство, поданное им о переносе заседания, постановив, что проведение заседания возможно без заявителя и его адвоката.

29. Решения суда первой инстанции были вынесены в следующие даты: по делам второго, третьего, четвертого и шестого заявителей - 16 апреля 2007 года; по делу пятого заявителя - 22 мая 2007 года, по делам седьмого и восьмого заявителей - 25 апреля 2007 года.

30. В дальнейшем, заявители подали апелляционные жалобы в Тверской районный суд г. Москвы, но решения судов первой инстанции были оставлены без изменения. Мотивы, представленные судом апелляционной инстанцией, были, в основном, аналогичны обоснованиям по делу первого заявителя. Решения по апелляциям заявителей были вынесены 14 мая 2007 года, за исключением решения по апелляции пятого заявителя, которое было вынесено 11 июля 2007 года.

4. Жалоба, поданная девятым заявителем

31. Девятый заявитель утверждала, что 14 апреля 2007 года она направлялась на митинг у памятника Грибоедову. На площади Сретенских ворот на нее и других пешеходов напал отряд ОМОНа. Заявитель увидела, как милиционер избивал человека дубинкой, и вмешалась, чтобы остановить избиение, но милиционер пнул ее по левой ноге. Она получила серьезную травму и поэтому не смогла пойти на митинг. Позже в тот же день она обратилась за медицинской помощью в Городскую поликлинику № 137 г. Москвы, где ей был поставлен диагноз гематомы левого голеностопного сустава.

32. 16 апреля 2007 года заявитель подала заявление в прокуратуру г. Москвы с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении лиц, незаконно применивших физическую силу и специальные средства.

33. 6 июля 2007 года Мещанская межрайонная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела по инциденту.

34. 18 марта 2011 года та же прокуратура отменила вышеуказанное постановление и отправила дело на дополнительную проверку. Было дано указание допросить заявителя и трех названных свидетелей, получить медицинские документы и провести судебно-медицинскую экспертизу. Какой-либо информации о результатах этой проверки нет.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

35. Соответствующие положения Кодекса об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года, действовавшие на тот момент, гласят:

Статья 20.2. Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования

«1. Нарушение установленного порядка организации собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования влечет наложение административного штрафа на организаторов в размере от десяти до двадцати минимальных размеров оплаты труда.

2. Нарушение установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования влечет наложение административного штрафа на организаторов в размере от десяти до двадцати минимальных размеров оплаты труда; на участников - от пяти до десяти минимальных размеров оплаты труда».

Статья 27.2. Доставка

«1. Доставка, то есть принудительное препровождение физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным, осуществляется:

1) должностными лицами органов внутренних дел (милиции) ...

...

2. Доставка должно быть осуществлено в возможно короткий срок.

3. О доставлении составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании. Копия протокола о доставлении вручается доставленному лицу по его просьбе».

Статья 27.3. Административное задержание

«1. Административное задержание, то есть кратковременное ограничение свободы физического лица, может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении.

...

3. По просьбе задержанного лица о месте его нахождения в кратчайший срок уведомляются родственники, администрация по месту его работы (учебы), а также защитник.

...

5. Задержанному лицу разъясняются его права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, о чем делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании».

Статья 27.4. Протокол об административном задержании

«1. Об административном задержании составляется протокол...

2. ... Копия протокола об административном задержании вручается задержанному лицу по его просьбе».

Статья 27.5. Сроки административного задержания

«1. Срок административного задержания не должен превышать три часа, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 настоящей статьи.

2. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, посягающем на установленный режим Государственной границы Российской Федерации и порядок пребывания на территории Российской Федерации ... может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов.

3. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов...».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

36. Заявители, с первого по восьмой, жаловались на нарушение их права на справедливое и публичное разбирательство при предъявлении им обвинения в административном правонарушении. Они ссылались на пункт 1 статьи 6 Конвенции, который предусматривает:

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия».

А. Приемлемость

1. Применимость статьи 6

37. Власти попросили Суд объявить данную жалобу неприемлемой, так как она несовместима *ввиду ratione materiae*¹, с положениями Конвенции. Они утверждали, что статья 6 не применима к производству по административному правонарушению; дела заявителей не касались спора об их гражданских правах и обязанностях или предъявления им уголовного обвинения. Власти заявили, что правонарушение по статье 20.2 Кодекса об административных правонарушениях не влечет за собой административное задержание, факт, который отличал данное дело от дела «Зилиберберг против Молдовы» (*Ziliberberg v. Moldova*, жалоба № 61821/00, пункт 34, 1 февраля 2005 г.). Власти также подчеркнули, что рассматриваемое административное правонарушение находилось в пределах компетенции мирового судьи - судебной инстанции, уполномоченной рассматривать дела, касающиеся преступлений, максимальный размер наказания за которые составляет до трех лет лишения свободы, а также гражданские споры и дела из административных правонарушений.

38. Заявители, с другой стороны, настаивали на том, что уголовный аспект статьи 6 был применим к данному производству. Они ссылались на критерии, изложенные в деле «Энгель и другие против Нидерландов» (*Engel and Others v. the Netherlands*, 8 июня 1976, пункты 82-83, Серия А № 22), и заявили, что правонарушения, в которых они обвинялись, имели по существу уголовный характер, несмотря на их отнесение к административным правонарушениям во внутригосударственном праве. Они также ссылались на дело *Зилиберберга*, упомянутое выше, утверждая, что в указанном деле Суд признал применимость статьи 6 к разбирательству, касающемуся административного правонарушения, аналогичного рассматриваемому в настоящем деле. Они не разделяли мнение Властей, что должно быть проведено различие между настоящим делом и вышеупомянутым на основании, выдвинутом Властями, или на каких-либо иных основаниях.

39. Суд напоминает, что применимость статьи 6 обусловлена тремя критериями, указанными в постановлении по делу Энгеля (см. дело «Энгель и другие» (*Engel and Others*, упомянутое выше, пункты 82 и 83)). Для того, чтобы определить, является ли правонарушение «уголовным» в целях Конвенции, в первую очередь необходимо установить, относится ли положение, определяющее правонарушение, к уголовному праву в правовой системе государства-ответчика; далее

¹ обстоятельства, связанные с предметом рассмотрения (прим. редактора)

должны быть рассмотрены «сама природа правонарушения» и степень строгости наказания (см., среди прочих источников, дело «Озтюрк против Германии» (*Öztürk v. Germany*), 21 февраля 1984, пункт 50, Серия А № 73; «Демиколи против Мальты» (*Demicoli v. Malta*), 27 августа 1991 года, пункты 31-34, Серия А № 210; и «Галстян против Армении» (*Galstyan v. Armenia*), жалоба № 26986/03, пункты 55-60, 15 ноября 2007 г.).

40. Кроме того, согласно сложившейся в Суде практике второй и третий критерии, указанные в деле Энгеля, являются альтернативными первому и не обязательно должны быть использованы наряду с ним, тем не менее это не означает, что Суд не может применить одновременно все три критерия, когда использование критериев по отдельности однозначно не определяет, существуют ли в деле признаки уголовного правонарушения (см. «Эзе и Коннорс против Соединенного Королевства» (*Ezeh and Connors v. the United Kingdom*) [GC], жалоба №№ 39665/98 и 40086/98, пункт 86, ECHR 2003-X).

41. В российском внутригосударственном праве нарушение порядка проведения публичного мероприятия квалифицируются как «административное правонарушение». Суд ранее изучил понятие «административное правонарушение», используемое в некоторых правовых системах, и установил, что оно включает в себя ряд правонарушений, являющихся по своей природе уголовными, но в то же время слишком малозначительными, чтобы регулироваться уголовным материальным и процессуальным правом (см. дело «Палаоро против Австрии» (*Palaoro v. Austria*), 23 октября 1995 г., пункты 33-35, Серия А № 329-B). Если это действительно так, то отнесение уголовного правонарушения национальным законодательством в категории административных не является значимым в целях статьи 6 Конвенции, а поэтому именно природа данных деяний должна стать основным критерием (см. дело «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства» (*Campbell and Fell v. the United Kingdom*), 28 июня 1984 г., пункт 71, Серия А № 80; «Вебер против Швейцарии» (*Weber v. Switzerland*), 22 мая 1990 г., пункт 32, Серия А № 177; и «Менешева против России» (*Menesheva v. Russia*), жалоба № 59261/00, пункты 96-98, ECHR 2006-III).

42. Что касается природы правонарушения, совершенного заявителями, статья 20.2 Кодекса об административных нарушениях определяет участие в несанкционированной публичном мероприятии как наказуемое деяние. Эта норма предусматривает наказание за совершение правонарушения против общественного порядка и устанавливает порядок проведения публичных мероприятий. Соответственно, нарушенная заявителями правовая норма относится ко всем гражданам, а не к данной группе, имеющей особый статус. В

связи с этим Суд приходит к выводу, что правонарушение носило общий характер.

43. Далее Суд отмечает, что на заявителей был наложен штраф, что Власти считают незначительным наказанием. Суд обращает внимание, что заявителям в данном деле был присужден штраф в сумме 25 евро, что является максимальным наказанием, предусмотренным данной нормой. Что еще более важно, штрафы, подлежащие уплате в данном деле, не являются денежным возмещением причиненного ущерба, а присуждены в порядке наказания и сдерживающего средства, что также является характеристикой уголовного наказания (см. дело *Озтюрка*, упоминаемое выше, пункт 53).

44. Кроме того, Суд отмечает, что в настоящем деле заявители были задержаны и доставлены в отделение милиции примерно на два часа. В принципе, Суд придает особое значение любой форме лишения свободы, когда речь идет об определении «уголовной» области права (см. дело *Зилиберберга*, упомянутое выше, пункт 34). Кроме того, в данном деле Суд замечает, что заявители были подвергнуты административному задержанию по статье 27.3 Кодекса об административных правонарушениях - мере, которая имеет более сильную уголовную подоплеку, чем препровождение в отделение милиции, предусмотренное статьей 27.2 Кодекса.

45. Эти аспекты являются достаточными для Суда, чтобы установить, что правонарушение, в котором обвинялись заявители, с первого по восьмой, может быть классифицировано как «уголовное» в целях Конвенции. Отсюда следует, что статья 6 применима к данному делу.

2. Заключение в отношении приемлемости жалобы

46. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

47. Хотя стороны считали, что административное производство выходило за пределы сферы применения статьи 6, Власти утверждали, что заявителям были предоставлены все гарантии справедливого разбирательства. В частности, был обеспечен принцип равноправия сторон, так как мировой судья рассмотрел доводы обеих сторон, приняв во внимание изложение событий как заявителями, так и

милицией. Власти также заявили, что производство в мировой юстиции осуществлялось в открытом судебном заседании, как того требует статья 24.3 Кодекса об административных правонарушениях; мировой судья подтвердил это отдельным постановлением по делу первого заявителя, вынесенным в связи с ходатайством об открытом слушании. В постановлении прямо говорилось о том, что разбирательство было открытым для общественности. Власти опротестовали утверждение первого заявителя о том, что представители общественности были остановлены милицией перед зданием суда, заявив, что утверждения заявителя относились ко времени, когда разбирательство еще не началось, учитывая, что в 18.00 первый заявитель и его адвокаты готовились к заседанию. Кроме того, по просьбе первого заявителя ему было предоставлено еще сорок пять минут для подготовки к заседанию.

48. Далее Власти заявили, что заявители были признаны виновными на основании вполне достаточных доказательств, включая протоколы об административных правонарушениях и показания сотрудников милиции, а также документы, предоставленные Правительством Москвы относительно заявления о проведении публичного мероприятия 14 апреля 2007 года. Что касается отказа о вызове свидетелей по просьбе заявителей, суд установил, что нет необходимости в допросе свидетелей, так как доказательств по делу было достаточно для установления обстоятельств дела; Власти присоединились к этому мнению, посчитав его обоснованным.

49. Наконец, Власти подчеркнули, что апелляционные жалобы заявителей на решения суда первой инстанции были рассмотрены Тверским районным судом. Таким образом, заявители могли прибегнуть к судебному пересмотру по их делам, со всеми надлежащими гарантиями, в судах двух инстанций.

50. Заявители, с их стороны, утверждали, что разбирательства по административным правонарушениям не соответствовали гарантиям справедливого и публичного рассмотрения дела, утверждая, что принцип равноправия сторон не был обеспечен, так как не были вызваны свидетели стороны защиты и общественность не была допущена на заседание по делу первого заявителя.

51. Что касается дела первого заявителя, они также утверждали, что ему не было предоставлено достаточно времени для подготовки защиты, так как судья отказался перенести заседание и дал заявителю и его адвокату только двадцать минут на подготовку. Первый заявитель также указал, что обвинения против него не были точно определены до разбирательства, а была сделана лишь общая ссылка на статью 20.2 Кодекса, без указания, какое из четырех правонарушений, упоминаемых в данной статье, вменялось ему в вину; это также явилось препятствием при подготовке защиты. Далее он жаловался на

то, что на судебное заседание не были вызваны и заслушаны свидетели, за исключением сотрудника милиции, задержавшего первого заявителя. Ходатайство заявителя о вызове других свидетелей было отклонено на том основании, что в этом не было необходимости. Первый заявитель не согласился с заявлением Властей о том, что разбирательство по его делу было открытым. Он заявил, в частности, что двум его адвокатам было отказано в доступе в здание суда, хотя они имели официальное разрешение представлять его интересы в суде. После подачи ходатайства о допуске к нему хотя бы членов семьи суд вынес постановление, на которое ссылались Власти, о том, что судебное заседание уже и так является открытым, хотя вокруг здания суда по-прежнему стояло милицейское оцепление.

52. Второй заявитель указал, что до судебного заседания по его делу ему не была предъявлена копия протокола об административных правонарушениях, в которых он обвинялся. Он также жаловался на то, что суд отказался вызвать и заслушать свидетелей, в частности, первого и четвертого заявителей и милиционеров, которые составляли протокол по его делу, обосновав отказ достаточностью доказательств, имевшихся в материалах дела.

53. Третий и четвертый заявители утверждали, что их несправедливо обвинили в административном правонарушении в результате ошибки милиции. Ни один из них не собирался принимать участие в митинге, а они просто проходили мимо: третий заявитель был задержан после того, как он забрал свой мобильный телефон из местного сервисного центра, а четвертый заявитель направлялся на личную встречу. Третий заявитель представил суду квитанцию из сервисного центра, но она была отклонена как не имеющая отношения к делу. Более того, в обоих случаях суд отказался вызвать и заслушать свидетелей и милиционеров, составивших протокол. Обоих заявителей обвинили в административном правонарушении исключительно на основании протокола об административном правонарушении и лишили их какой-либо возможности доказать свою невиновность.

54. Пятый заявитель утверждал, что административное разбирательство было проведено в его отсутствие, так как суд отклонил его ходатайство о переносе заседания по медицинским показаниям, посчитав, что его участие не является необходимым. В связи с этим, ему не была предоставлена возможность представить обстоятельства его дела в ответственный момент установления фактов в суде первой инстанции.

55. Шестой, седьмой и восьмой заявители пожаловались, что суд не рассмотрел их версию событий и не принял во внимание тот факт, что они оспорили время и обстоятельства их задержания.

2. Оценка Суда

56. Суд обращает внимание, что все заявители утверждали о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции, так как факты, лежащие в основе обвинений против них, были установлены национальными судами, в целом, несправедливым образом. В частности, они заявили, что суды не предоставили им возможности возразить против предъявленного обвинения, отклонив все доказательства и отказавшись заслушать свидетелей, которые поддерживали версию событий заявителей. В деле пятого заявителя суд, кроме того, не заслушал мнение самого заявителя, так как было принято решение о проведении судебного заседания в его отсутствие.

57. Суд повторяет, что приемлемость доказательств регулируется, в первую очередь, нормами внутригосударственного права. Как правило, оценка доказательств, а также существенность и применимость доказательств, которые требуют приобщить к делу обвиняемые, относится к компетенции национальных судов (см., помимо прочих источников, дело «Барбера, Мессеге и Жабардо против Испании» (*Barberà, Messegue and Jabardo v. Spain*), 6 декабря 1988 г., пункт 68, Серия А № 146). В частности, пункт 3 (d) статьи 6 относит к компетенции судов, по общему правилу, принятие решения о том, следует ли вызывать свидетелей, в «самостоятельном» смысле, которое имеет это слово в системе Конвенций (см. дело «Аш против Австрии» (*Asch v. Austria*), 26 апреля 1991 г., пункт 25, Серия А № 203).

58. Задачей Суда, однако, является установление того, было ли разбирательство в целом справедливым, как того требует пункт 1 статьи 6 (см. дело «Дельта против Франции» (*Delta v. France*), 19 декабря 1990, пункт 35, Серия А № 191, и «Видал против Бельгии» (*Vidal v. Belgium*), 22 апреля 1992 г., пункт 33, Серия А № 235-B). Что касается принятия доказательств, Суд уделил особое внимание соблюдению принципа равноправия сторон. Он постановил, в частности, что данный принцип является одним из фундаментальных аспектов справедливого разбирательства и подразумевается, что заявителю должна быть «предоставлена обоснованная возможность представить свою позицию в условиях, которые не ставят его в невыгодное положение *vis-à-vis* с его оппонентом» (см. дело «Булут против Австрии» (*Bulut v. Austria*), 22 февраля 1996 г., пункт 47, *Сборник постановлений и решений* 1996-II). Следовательно, хотя национальные суды, как правило, сами принимают решение о том, является ли вызов свидетеля необходимым или целесообразным, исключительные обстоятельства могут побудить Суд к выводу о том, что отказ в вызове свидетеля противоречит статье 6 (см. дело «Брикмонт против Бельгии» (*Bricmont v. Belgium*), 7 июля 1989 г., пункт

89, Серия А № 158, и «Дестрехем против Франции» (*Destrehem v. France*), жалоба № 56651/00, пункт 41, 18 мая 2004 г.).

59. Для того чтобы установить, были ли заявителям в настоящем деле предоставлена возможность представлять свои интересы, не будучи поставленными в невыгодное положение *по сравнению* со стороной обвинения, и проводилось ли разбирательство справедливо, Суд сначала рассмотрит, что послужило основанием для обвинения заявителей (см., *mutatis mutandis*, дело *Дестрехема*, упомянутое выше, пункт 43).

60. Обращаясь к делу первого заявителя, Суд отмечает, что Каспаров предстал перед мировым судьей после задержания на Тверской улице, предположительно, за участие в несанкционированном шествии. Далее он отмечает, что обстоятельства его задержания, такие как цель его пребывания в указанном месте, время предположительного шествия и даже время и точное место его задержания, явились предметом спора сторон.

61. Неопределенность по этим пунктам сохраняется до сих пор. Во время производства в Суде государство-ответчик заявило, что шествие по Тверской улице началось в 13.30, но в другой части своих замечаний Власть указали, что участники начали собираться на шествие в 11.40, что заявители были задержаны в 13.00 и доставлены в отделение милиции в 13.30. Данные временные рамки согласуются с версией событий заявителей, и противоречат тому, что указано в протоколах об административных правонарушениях.

62. Во время рассмотрения дела мировым судьей Каспаров утверждал, что он шел с небольшой группой людей к памятнику Грибоедову - к месту проведения митинга, который был разрешен властями Москвы. Милиция, с другой стороны, заявила, что Каспаров не просто прогуливался, а принимал участие в несанкционированной демонстрации, и что в момент демонстрации мероприятие у памятника Грибоедову уже закончилось. Еще одно противоречие между сторонами касается места задержания. По словам милиции, заявители, включая первого заявителя, были задержаны, когда возникла угроза того, что демонстрация выйдет на Красную площадь, за пределы установленной зоны усиленной безопасности. Первый заявитель, между тем, утверждал, что он был задержан на Тверской улице, когда он и его спутники подошли к ограждению, установленному отрядом ОМОНа на значительном расстоянии от Красной площади.

63. Ранее Суд постановил, что в обстоятельствах, когда обвинение заявителя основывается преимущественно на том, что он находился в определенном месте в определенное время, принцип равноправия сторон и, в более общем смысле, право на справедливое судебное разбирательство, подразумевает, что заявителю должна быть предоставлена обоснованная возможность эффективно оспорить

предположение (см. дела «Попов против России» (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 183, 13 июля 2006 г., и «Поляков против России» (*Polyakov v. Russia*), жалоба № 77018/01, пункты 34-37, 29 января 2009 г.).

64. В деле первого заявителя, однако, суд не предоставил заявителю возможности уточнить время и место его задержания, хотя эти факты были важны для признания виновным в административном правонарушении. Получив два противоречивых заявления, мировой судья решил обосновать судебное решение исключительно на версии событий, выдвинутой милицией, потому что ее сотрудники были «стороной, не имеющей личной заинтересованности». Однако, Суд считает, что, учитывая значение оспариваемых фактов для результатов дела и роль сотрудника милиции, которые задержал заявителя и составил протокол задержания, мировому судье необходимо было использовать все обоснованные возможности для установления точного времени и места задержания первого заявителя.

65. Суд отмечает, что вызов свидетелей, которые могли бы пролить свет на эти события, был бы эффективным в этом отношении. Их имена и адреса были известны; четверо из них были задержаны одновременно с заявителем, и, по словам адвоката заявителя, они ждали возле здания суда, чтобы дать свидетельские показания. В любом случае, мировой судья не указала на какие-либо технические трудности в поиске этих лиц. Она просто посчитала это излишним для производства.

66. Суд не может не прийти к выводу, что мировой судья с готовностью и безоговорочно приняла доводы милиции и лишила первого заявителя какой-либо возможности привести доказательства обратного. Суд признает, что обвинения против заявителя были весьма незначительными и что разбирательство по таким вопросам должно проводиться безотлагательно. Однако, принимая во внимание тот факт, что обвинение заявителя основывалось на противоречивых свидетельствах против него, Суд считает, что безусловное принятие милицейского протокола и отказ заслушать свидетелей стороны защиты без какой-либо оценки существенности их показаний привело к ограничению прав стороны защиты, несопоставимым с гарантиями на справедливое судебное разбирательство (см. дело *Попова*, упомянутое выше, пункт 188). Соответственно, имело место нарушение принципов, закрепленных в статье 6 Конвенции.

67. Далее Суд отмечает, что судебные разбирательства в отношении других заявителей проводились практически таким же образом, то есть, заявителям не была предоставлена возможность привести доказательства в поддержку их позиции. В деле пятого заявителя это обстоятельство было дополнительно усугублено тем фактом, что суд

не посчитал необходимым присутствие его или его адвоката на судебном заседании.

68. Принимая во внимание вышеизложенный вывод и особые обстоятельства настоящего дела, Суд не считает необходимым рассматривать жалобы первого заявителя о том, что судебное слушание было закрытым и что у него не было достаточно времени для подготовки своей защиты, или жалобу второго заявителя, что ему не был предоставлен протокол об административном правонарушении для подготовки к судебному заседанию.

69. В свете вышеизложенного, Суд заключает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении первых восьми заявителей.

II. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

70. Заявители жаловались, что действия властей 14 апреля 2007 года препятствовали осуществлению их права на свободу выражения мнения и свободу мирных собраний, гарантированных статьями 10 и 11 Конвенции, соответственно. Данные положения предусматривают следующее:

Статья 10 (свобода выражения мнения)

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо нарушения со стороны органов государственной власти и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Статья 11 (свобода собраний и объединений)

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях

предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

А. Приемлемость

1. Первый, второй и пятый заявители

71. Суд отмечает, что данная жалоба в той части, которая касается Каспарова, Тарасова и Торопова, не является явно неприемлемой в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Третий, четвертый, шестой, седьмой и восьмой заявители

72. Суд отмечает, что подавая свои жалобы согласно статьям 10 и 11, эти заявители отрицали свое намерение участвовать в публичном мероприятии 14 апреля 2007 года - ни на Тверской улице, ни у памятника Грибоедову, ни где бы то ни было еще. Все они заявили в национальных судах и в их жалобах в Суд, что были задержаны по ошибке, просто потому, что они случайно оказались на месте разгона митинга на Тверской улице. Соответственно, у них не было достаточных доказательств посягательства Властей на их свободу выражения мнения или свободу собраний и объединений.

73. Следовательно, данная часть жалобы, Харламова, Калапникова, Стельмаха, Орла и Мелихова является явно неприемлемой, и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

3. Девятый заявитель

74. Вначале Суд отмечает, что при изложении своих жалоб на причинение сотрудником правоохранительных органов вреда её здоровью данный заявитель не указывала, в прямой или подразумеваемой форме, на нарушение статьи 3 Конвенции. Согласно статьям 10 и 11 Конвенций она заявила, что травма, предположительно нанесенная ей сотрудником милиции, помешала ей принять участие в санкционированном общественном митинге у памятника Грибоедову. Далее Суд отмечает, что она пыталась подать заявление о возбуждении уголовного дела в отношении сотрудника правоохранительных органов, который, как она утверждала, пнул ее по ноге; однако, кроме копии ее жалобы, она не предоставила Суду ни дополнительные материалы в поддержку ее версии событий, ни свидетельские показания лиц, которые могли находиться вместе с ней в тот момент.

Следует отметить, что предполагаемое посягательство на девятого заявителя было отдельным событием, отличным от задержания других заявителей, и произошло в другом месте. Поэтому нельзя сказать, что ее утверждения подтверждаются изложением событий другими заявителями. Суд не может установить из материалов дела, что правоохранительные органы действительно разогнали санкционированный митинг у памятника Грибоедову. Более того, заявитель не пыталась подать гражданский иск о нарушении в данном случае ее права на свободу мирных собраний, не исчерпав, таким образом, всех внутригосударственных средств правовой защиты в целях статьи 11 Конвенции или для обоснования своих утверждений.

75. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной, и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

76. Относительно материального аспекта Каспаров, Тарасов и Торопов указали, что оно должно рассматриваться в рамках статьи 10 Конвенции, отдельно от статьи 11. Они утверждали, что одной из причин их задержания стало то, что во время шествия по Тверской улице они выкрикивали лозунг «Долой Путина», и что на этом основании их дело должно быть рассмотрено отдельно от других дел, касающихся ограничений свободы собраний, по которым Суд ранее постановлял, что жалобы на нарушение статьи 10 должны рассматриваться в рамках статьи 11.

77. Далее заявители утверждали, что имело место вмешательство в их свободу мирных собраний и свободу выражения. Они заявили, что их задержание 14 апреля 2007 года помешало им участвовать в митинге у памятника Грибоедову, который был санкционирован властями Москвы. Кроме того, административная ответственность, к которой они были привлечены после задержания, также явилась несоразмерным нарушением их прав, закрепленных Конвенцией.

78. Что касается законности такого вмешательства, заявители оспорили основания их задержания, выдвинутые властями, в частности, утверждение, что они пытались пройти на Красную площадь, которая является охраняемой зоной. Они сослались на предварительное уведомление о шествии и подчеркнули, что предполагаемый маршрут проходил по Тверской улице и сворачивал на Театральную площадь, находящуюся вдали от Красной площади. В связи с этим они утверждали, что даже если милиция считала, что демонстранты пойдут по Тверской улице в направлении Красной

площади, ей не следовало предполагать, что они проникнут в охраняемую зону.

79. Власти подчеркнули, что ни организаторы мероприятия, ни иные заинтересованные стороны не оспорили решение московских властей от 5 апреля 2007 года относительно планируемого мероприятия. Вместо этого, они устроили несанкционированное шествие. Власти, в частности, подвергли сомнению утверждение заявителей о том, что они просто шли к месту проведения санкционированного митинга у памятника Грибоедову. Они также не согласились с заявителями по поводу времени задержания, в частности, произошло ли такое до митинга или после него. Сначала Власти утверждали, что заявители были задержаны в 13.30, после окончания митинга, за исключением Мелихова, восьмого заявителя, который был задержан в 12.05 на Тверской улице, и Харламова, третьего заявителя, который был задержан в 13.00 на Пушкинской площади. Впоследствии они указали, что все заявители были задержаны в 13.00 и доставлены в отделение милиции в 13.30. Они посчитали доводы заявителей по этому поводу противоречивыми, подчеркнув, что Каспаров указал, что его задержали в 12.00, в то время как Тарасов сначала заявил, что его задержали в 13.00, а позже изменил время на 12.00.

80. Власти также подвергли сомнению утверждение о том, что сотрудники правоохранительных органов задерживала прохожих или ограничивала их передвижение. В частности, никаких жалоб не поступило от предполагаемых случайных прохожих, пострадавших от беспорядочных действий правоохранительных органов. Что касается заявителей, все они осознанно и преднамеренно участвовали в несанкционированном публичном мероприятии.

81. Власти признали, что задержание заявителей и предъявление им обвинения в совершении административного правонарушения представляло собой посягательство на их свободу собраний и объединений. Однако, они утверждали, что такие меры были законными, преследовали законную цель по поддержанию общественного порядка и были соразмерны данной цели в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции. Они заявили, в частности, что заявителям было предложено провести публичное мероприятие в требуемую дату в другом месте и что предложенные изменения, на первый взгляд, были приняты организаторами мероприятия. Кроме того, санкционированный митинг действительно прошел у памятника Грибоедову, и заявители могли участвовать в нем. Вместо этого, заявители следовали по маршруту, указанному в первоначальной заявке, шли по тротуару и проезжей части, мешая прохожим и транспорту, а затем попытались пройти на Красную площадь. Учитывая, что этот маршрут не был согласован с московскими

властями, милиция не могла предугадать, где пройдет шествие, а значит, тогда милиция не сможет принять меры по поддержанию общественного порядка и безопасности. Вот почему милиция была вынуждена задержать заявителей, игнорировавших ее предупреждения. Это также стало причиной наложения на них административного наказания, которое, кроме того, было относительно мягким.

2. Оценка Суда

(а) Предмет жалобы заявителя

82. Суд отмечает, что, в обстоятельствах данного дела статья 10 должна рассматриваться как *общее положение закона* по отношению к статье 11, *lex specialis* (см. дело «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), 26 апреля 1991 г., пункт 35, Серия А № 202). Суд также принимает во внимание просьбу заявителей о рассмотрении применения этих двух статей по отдельности, ввиду особых обстоятельств дела. Он отмечает, что административное правонарушение, в котором были обвинены заявители, проявилось, среди прочего, в выкрикивании антиправительственных лозунгов. Данная жалоба, подпадающая, в принципе, под статью 10, аналогична по содержанию тем, которые рассматривались по делу *Галстяна* (упоминаемому выше, пункты 95-96 и 100), где заявитель был задержан и ему были предъявлены обвинения в совершении противоправных действий во время политической демонстрации, и по делу «Сергей Кузнецов против России» (*Sergey Kuznetsov v. Russia*), (жалоба № 10877/04, пункт 23, 23 октября 2008 г.), где заявитель был обвинен в административном правонарушении за распространение во время пикетирования листовок оскорбительного содержания. В этих и других делах Суд не посчитал необходимым рассматривать жалобу по статье 10 отдельно от жалобы по статье 11 Конвенции. Нет оснований отступать от этого принципа и в настоящем деле.

83. С другой стороны, несмотря на автономную роль и особый предметный охват жалобы, статья 11 должна в настоящем деле рассматриваться также в свете статьи 10. Защита личного мнения, обеспечиваемая статьей 10, является одной из задач свободы мирных собраний, как закреплено в статье 11 (см. дело *Эзелина*, упомянутое выше, пункт 37).

(b) Имело ли место вмешательство в осуществление права на свободу мирных собраний и было ли такое вмешательство оправданным

84. Суд повторяет, что вмешательство не обязательно выражается в полном запрете, установленном законом или *de facto*, но может представлять собой и другие меры, предпринятые органами власти.

Термин «ограничения» в пункте 2 статьи 11 должен толковаться, как включающий меры, предпринятые до или во время собрания, так и меры, такие как штрафные санкции, примененные впоследствии (см. дело *Эзелина*, упомянутое выше, пункт 39). Например, предварительный запрет может иметь сдерживающий эффект для лиц, которые намерены участвовать в собрании и, таким образом, представлять собой вмешательство, даже если митинг впоследствии пройдет без препятствий со стороны властей (см. дело «Бажковски и другие против Польши» (*Bączkowski and Others v. Poland*), жалоба № 1543/06, пункты 66-68, 3 мая 2007 г.). Если гражданину не разрешается идти на митинг, это также признается вмешательством (см. дело «Джавит Ан против Турции» (*Djavit An v. Turkey*), жалоба № 20652/92, пункты 59-62, ECHR 2003-III). Также вмешательством считаются меры, предпринятые властями во время митинга, такие как разгон митинга или задержание участников (см. «Ойя Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), жалоба № 74552/01, пункты 7 и 30, ECHR 2006-XIII, и «Гайд-парк и другие против Молдовы» (*Hyde Park and Others v. Moldova*), жалоба № 33482/06, пункты 9, 13, 16, 41, 44 и 48, 31 марта 2009 г.), а также штрафы, налагаемые за участие в митинге (см. дело *Эзелина*, упомянутое выше, пункт 41; «Османи и другие против бывшей югославской Республики Македония» (*Osmani and Others v. "the former Yugoslav Republic of Macedonia"*) (реп.), жалоба № 50841/99, ECHR 2001-X; «Мкртчян против Армении» (*Mkrtchyan v. Armenia*), жалоба № 6562/03, пункт 37, 11 января 2007 г.; дело *Галстяна*, упомянутое выше, пункты 100-02; «Ашугян против Армении» (*Ashughyan v. Armenia*), жалоба № 33268/03, пункты 75-77, 17 июля 2008 г.; и дело *Сергея Кузнецова*, упомянутое выше, пункт 36).

85. В этой связи Суд считает, что независимо от того, направлялись ли Каспаров, Тарасов и Торопов на санкционированное публичное собрание, как они заявили, или уже проводили несанкционированное шествие, как утверждали Власти, вмешательством в их право на свободу мирных собраний явилось как их задержание, так и выдвижение против них обвинений в совершении административного правонарушения. Суд замечает, кроме того, что Власти не оспаривали наличие в настоящем деле вмешательства в право на свободу мирных собраний.

86. Суд повторяет, что право на свободу мирных собраний является фундаментальным правом в демократическом обществе и одной из основ такого общества (см., среди многочисленных источников, дело *Галстяна*, упомянутое выше, пункт 114). Это право, одной из целей признания которого является защита личного мнения, обусловлено рядом исключений, которые должны подробно толковаться и должна быть убедительно определена необходимость применения любых

ограничений. При рассмотрении, могут ли считаться ограничения прав и свобод, гарантированных Конвенцией, «необходимыми в демократическом обществе», Договаривающиеся стороны применяют конкретные, но неограниченные пределы усмотрения. Вмешательство будет считаться «необходимым в демократическом обществе» с законной целью, если оно отвечает «настоятельной социальной потребности», в частности, если оно соразмерно преследуемой цели и если доводы, приводимые национальными властями в оправдание, являются «соответствующими и достаточными» (см., например, дело «Костер против Соединенного Королевства» (*Coster v. the United Kingdom*), [GC], жалоба № 24876/94, пункт 104, 18 января 2001 г. и дело «С. и Марпер против Соединенного Королевства» (*S. and Marper v. the United Kingdom*), [GC], жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, пункт 101, ECHR 2008). В любом случае, окончательное определение по сопоставимости ограничений с Конвенцией выносится Судом посредством оценки обстоятельств конкретного дела (см. дело «Османи и другие» (*Osmani and Others*), процитированное выше).

87. В свете этих принципов Суд изучит, было ли вмешательство в право заявителей на свободу мирных собраний законным, соответствующим законной цели и необходимым в демократическом обществе.

88. Что касается законности задержания заявителей и законности выдвинутых против них обвинений в совершении административного правонарушения, то различие взглядов сторон на этот счет кроется в том, что стороны, излагая фактические обстоятельства дела, противоречат друг другу. Трое заявителей утверждали, что они направлялись на санкционированное публичное мероприятие у памятника Грибоедову, и потому отсутствовали основания для их задержания, в то время как Власти заявили, что им пришлось задержать заявителей, так как они проводили демонстрацию в нарушение правил и угрожали пройти через защитное ограждение на Красную площадь. Суд уже установил, что внутригосударственные суды не предприняли попытки установить точные обстоятельства задержания заявителей, а именно, времени и места, чтобы определить, была ли необходимость в их задержании (см. выше пункты 60-62 и 66). При отсутствии достаточного фактического материала для разрешения данного разногласия Суд не может принять изложение событий любой из сторон в качестве основания для решения, были ли действия органов государственной власти законными. В любом случае, Суд считает, что в настоящем деле вопрос соблюдения законности неразрывно связан с вопросом, было ли данное вмешательство «необходимым в демократическом обществе». Поэтому он рассмотрит этот вопрос ниже (см. дело «Христианско-демократическая народная

партия против Молдовы» (*Christian Democratic People's Party v. Moldova*), жалоба № 28793/02, пункт 53, ECHR 2006-II).

89. Возвращаясь к наличию законной цели, Суд допускает, что задержание заявителей и предъявление им обвинений в административном правонарушении преследовали законную цель поддержания общественного порядка, как утверждали Власти.

90. Чтобы оценить, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе», Суд изучит соразмерность данного вмешательства в свете доводов, приведенных внутригосударственными судами. Он замечает, что, согласно постановлениям национальных судов, заявители «шли в большой группе людей, выкрикивавших антиправительственные лозунги», что это был митинг, не разрешенный властями Москвы, и что, следовательно, заявители нарушили статью 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. По мнению национальных судов из этого следует, что именно отсутствие разрешения на проведение публичной демонстрации послужило основанием для обвинения их в административных правонарушениях.

91. Суд повторяет, что хотя это не противоречит *a priori* духу статьи 11, если, в целях поддержания общественного порядка и национальной безопасности, законодательство Высокой Договаривающейся стороны требует согласования для проведения публичных мероприятий, противозаконная ситуация, а именно, проведение митинга без предварительного разрешения, не оправдывает ограничение права на свободу собраний (см. дело «Киссе против Франции» (*Cisse v. France*), жалоба № 51346/99, пункт 50, ECHR 2002-III, и дело *Ойя Атаман*, упомянутое выше, пункты 37 и 39). В то время как правила, регулирующие порядок проведения публичных мероприятий, в том числе вопросы предварительного уведомления о таковых, являются важными для беспрепятственного проведения общественных мероприятий, так как они позволяют властям свести к минимуму перебои в работе транспорта и принять прочие меры безопасности, всё же их принудительное исполнение не может являться самоцелью. В частности, если участники несанкционированного публичного мероприятия не участвуют в актах насилия, Суд требует, чтобы органы власти проявляли надлежащую степень терпимости к мирным собраниям, если свобода мирных собраний, гарантированная статьей 11 Конвенции, не должна лишиться своего истинного смысла (там же, пункт 42; см. также дело «Букта и другие против Венгрии» (*Bukta and Others v. Hungary*), жалоба № 25691/04, пункт 34, ECHR 2007-III; дело «Фабер против Венгрии» (*Fáber v. Hungary*), жалоба № 40721/08, пункт 49, 24 июля 2012 г., и дело «Берладир и другие против России» (*Berladir and Others v. Russia*), жалоба № 34202/06, пункт 38, 10 июля 2012 г.).

92. Возвращаясь к доводу Властей о том, что заявители были задержаны, так как существовал риск, что митинг выйдет за пределы охраняемой зоны Красной площади, следует отметить, что эти же основания приводились сотрудниками правоохранительных органов, дававших свидетельские показания. Однако, в протоколах об административных правонарушениях не упоминалось о таком риске и, в любом случае, данный довод не был рассмотрен в мировом суде и Тверском районном суде г. Москвы. Более того, Суд отмечает, что место задержания, указанное в постановлениях, - Тверская улица, 19, находилось в 1,4 км от ближайшего прохода на Красную площадь. Учитывая небольшой размер группы (по данным милиции, группа состояла из пятидесяти-шестидесяти человек) и, несомненно, мирный характер шествия, Суд не убежден, что угроза проникновения демонстрантов за охранную зону была реальной.

93. Утверждение Властей о том, что милиция прибегла к задержанию митингующих, так как была застигнута врасплох непредвиденной и несанкционированной демонстрацией и в противном случае не смогла бы справиться с ситуацией, не согласуется с фактами, установленными национальными судами. В частности, сотрудник милиции показал, что власти ожидали проведение демонстрации во время и в месте, где были задержаны заявители, и были предприняты меры по оцеплению данного района перед тем, как началось шествие (см. пункт 23 выше). Сотрудникам правоохранительных органов, участвовавшим в специально спланированной операции по пресечению массовых беспорядков, были даны четкие инструкции. Кроме того, из документов, представленных Властями, следует, что отряды ОМОНа специально прибыли из двадцати девяти регионов России за день до ожидаемой демонстрации (см. выше пункт 11). Эти приготовления, несомненно, позволили бы милиции увести демонстрацию такого масштаба из зоны повышенной безопасности.

94. Прочие доводы, выдвинутые Властями в своих замечаниях, такие как неудобства, причиняемые митингующими, шедшим по тротуарам и проезжей части, и мешавшими прохожим и транспорту, не были упомянуты в протоколах об административных правонарушениях или в постановлениях внутригосударственных судов. Из этого следует, что они не влияли на решения, принятые по делу заявителей. Более того, учитывая присутствие значительного количества сотрудников милиции, имелась возможность сохранить общественный порядок и безопасность без задержания демонстрантов.

95. Следовательно, заявители были задержаны и им было предъявлено обвинение в административном правонарушении исключительно по причине того, что власти посчитали данную демонстрацию несанкционированной. В связи с этим Суд делает

вывод, что Власти не смогли доказать, что существовала «существенная общественная необходимость» задержания заявителей.

96. С учетом вышеизложенного, Суд считает, что в данном деле силовое вмешательство со стороны правоохранительных органов было несоразмерным и не являлось необходимым для предотвращения массовых беспорядков в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции. В данных обстоятельствах тот факт, что впоследствии заявителям было предъявлено обвинение в совершении административных правонарушений, не требует отдельной оценки.

97. В свете вышеизложенного Суд делает вывод, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции в отношении Каспарова, Тарасова и Торопова.

III. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

98. Наконец, заявители подали жалобы по статьям 7 и 18 Конвенции. Суд рассмотрел данные жалобы в том виде, в котором они были представлены заявителями. Однако, в свете общего материала, имеющегося в его распоряжении, и в той мере, в которой вопросы, на которые подавались жалобы, находятся в пределах его компетенции, Суд считает, что они не раскрывают каких-либо признаков нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалоб является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

99. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

100. Каждый из заявителей требовал 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

101. Власти оспорили эти требования как завышенные и необоснованные. Они посчитали, что суммы, относящиеся к утверждениям заявителей о бесчеловечном и унижающем достоинство обращении со стороны правоохранительных органов, выходят за рамки предметного охвата настоящей жалобы.

102. Суд отмечает, что он установил нарушение статьи 6 в отношении первых восьми заявителей, а также нарушение статьи 11 в отношении Каспарова, Тарасова и Торопова. Далее он отмечает, что заявители прямо ссылались на статьи 6 и 11 в их требованиях о справедливой компенсации. В отличие от предложенного Властями, требования заявителей о справедливой компенсации не основывались на жалобах на «грубое обращение» с ними во время задержания и их унижение во время административного производства. Их требования о компенсации морального вреда повторяли существо их жалоб, по которым было признано нарушение.

103. При данных обстоятельствах Суд считает, что физические и психические страдания заявителей не могут быть компенсированы лишь установлением факта нарушения. Проведя оценку на основе справедливости, Суд присуждает следующую компенсацию морального вреда:

- Каспарову, Тарасову и Торопову: 10 000 евро каждому плюс налог, которым может облагаться данная сумма;
- Харламову, Калапникову, Стельмаху, Орлу и Мелихову: 4 000 евро каждому плюс налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

104. Заявители также потребовали возмещения расходов, понесенных в связи с разбирательством в национальных судах и в Суде, в частности, возмещения гонорара трех адвокатов - Москаленко, Михайловой и Полозовой, в сумме 3 500 евро каждому.

105. Власти оспорили требования заявителей о возмещении расходов на том основании, что они не представили договор об оказании юридических услуг с их адвокатами, согласно которому они обязаны заплатить требуемые суммы.

106. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. Суд отмечает, что Москаленко, Михайлова и Полозова представляли интересы пятерых из девяти заявителей в разбирательстве в Суде; в частности, они представляли жалобы заявителей и подавали письменные замечания от их имени. Поэтому Суд удовлетворяет требование заявителей в отношении их судебного представительства и присуждает выплату общей суммы 10 500 евро, плюс налог, которым может облагаться данная сумма. Присужденная сумма должна быть переведена непосредственно на банковский счет Михайловой, как указали заявители.

В. Проценты за просрочку платежа

107. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Объявил* жалобу первых восьми заявителей согласно статье 6 и жалобы первого, второго и пятого заявителей согласно статьям 10 и 11 приемлемыми, остальную часть жалобы - неприемлемой;
2. *Постановил*, что в отношении первых восьми заявителей имело место нарушение статьи 6 Конвенции;
3. *Постановил*, что в отношении первых восьми заявителей имело место нарушение статьи 11 Конвенции;
4. *Постановил*, что отсутствует необходимость рассматривать жалобу о нарушениях статьи 10 Конвенции;
5. *Постановил*:
 - (а) что Государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям следующие суммы, переведенные в российские рубли по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) по 10 000 евро (десять тысяч евро) первому, второму и пятому заявителю в качестве компенсации морального вреда, а также сумму в размере налогов, подлежащие уплате с этой суммы;
 - (ii) по 4 000 евро (четыре тысячи евро) третьему, четвертому, шестому, седьмому и восьмому заявителям в качестве компенсации морального вреда, а также сумму в размере налогов, которым может облагаться данная сумма;
 - (iii) 10 500 евро (десять тысяч пятьсот евро), а также сумму налогов, которыми может облагаться данная сумма, в счет возмещения издержек и расходов, подлежащая перечислению на банковский счет Михайловой;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанных сумм выплачиваются простые проценты в размере, равном предельной

учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процента;

6. *Отклонил* остальную часть требований заявителей относительно справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 3 октября 2013 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель